

В. И. Мордвинцева

ФАЛАРЫ ИЗ ВОТИВНЫХ КЛАДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ III–I вв. до н.э. И САРМАТСКАЯ ПАРАДИГМА¹

В археологии Северного Причерноморья особое место занимают серебряные фалары с изображениями различных божеств, сюжетных композиций и растительных орнаментов, которые получили распространение в последние века до нашей эры. Многие из них были обнаружены случайно еще в XIX в. при распашке или размывах берегов рек. В дальнейшем этим находкам было суждено сыграть важную роль в разработке исторической концепции сарматской культуры.

Впервые фалары были собраны в работе А.А. Спицына «Фалары Южной России», который отметил, что они относятся к культуре рубежа эр – «пока мало известной в наших древностях»². Я.И. Смирнов включил несколько фаларов, хранящихся в фондах Эрмитажа, в сводный каталог «Восточное серебро»³.

Особое место фалары заняли в исторической концепции М.И. Ростовцева. По его мнению, их принесли с собой в степи Северного Причерноморья племена иранского происхождения, пришедшие от границ Греко-Бактрии и известные под именем саков⁴. М.И. Ростовцев считал, что в пользу восточного, иранского происхождения фаларов говорят такие их черты, как полихромия (сочетание серебра с позолотой) и «чисто персидские мотивы» изображений⁵. Сама идея фаларов – круглых блях, украшенных розетками – также пришла, по его мнению, с востока. Фалары упоминаются М.И. Ростовцевым во всех его основных работах по истории Боспора и Скифии в качестве одного из основных доказательств продвижения в Северное Причерноморье первой волны сарматской миграции⁶. Комплекс с фаларами, открытый в Галиче (Болгария), он рассматривал как наиболее западную находку, связанную с продвижением сарматов и на эту территорию⁷.

Идею М.И. Ростовцева о греко-бактрийском происхождении фаларов поддержала К.В. Тревер в своей книге «Памятники греко-бактрийского искусства»⁸. Приняв ее безоговорочно, хотя и не упоминая автора идеи, исследова-

¹ Статья подготовлена при поддержке фонда А. фон Гумбольдта.

² Спицын А.А. Фалары Южной России // ИАК. 1909. 29. С. 18–19.

³ Смирнов Я.И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб., 1909. С. 7. № 47, 56–57.

⁴ Rostovtzeff M. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxf., 1922. P. 136–138; *idem*. *The Animal Style in South Russia and China*. Princeton, 1929. P. 44–45, 104.

⁵ *Idem*. *Iranians and Greeks...* P. 136; Ростовцев М.И. Сарматские и индо-скифские древности // СКҮΘΙΚΑ. Избранные работы академика М.И. Ростовцева. СПб., 1993 (ПАВ. 5). С. 44; Rostovtzeff. *The Animal Style...* P. 41–42.

⁶ Rostovtzeff. *Iranians and Greeks...* P. 145–146; Ростовцев. Сарматские и индо-скифские древности. С. 45–46; Rostovtzeff. *The Animal Style...* P. 41–42; Rostowzew M. *Skythien und der Bosphorus*. Bd I. *Kritische Übersicht der schriftlichen und archaologischen Quellen*. В., 1931. S. 604, 606.

⁷ Ростовцев. Сарматские и индо-скифские древности. С. 40–41, 45.

⁸ Тревер К.В. *Памятники греко-бактрийского искусства*. М.–Л., 1940. С. 34–38.

тельница вела поиск параллелей изображениям на фаларах исключительно в этом направлении. Интересно при этом отметить, что на территории самой Греко-Бактрии подобных предметов до сих пор не обнаружено. В качестве аналогий *эллинистическим* растительным орнаментам на фаларах Старобельского клада К.В. Тревер приводит каменные плакетку и кубок из Таксилы, глиняную бутылку из Иоткана, *сасанидские* рельефы и блюдо⁹. Изображенных здесь же животных она рассматривала как «божества местного пантеона» – инкарнацию ведийских божеств Индры и Вишну¹⁰. Отмеченное К.В. Тревер сходство одного из животных на фаларе из Старобельска с изображением на фаларе из станицы Успенской (Прикубанье), которая находится намного ближе к городу Старобельск (Луганская обл.), чем Средняя Азия, было рассмотрено в пользу отнесения и этого предмета к греко-бактрийскому искусству¹¹. Аналогичные старобельским по форме и технике изготовления фалары из Галиче, Янчокрака и Таганрога были также определены как предметы, изготовленные в Греко-Бактрии¹². Подобным образом были интерпретированы и другие произведения торевтики из Северного Причерноморья¹³.

В результате на долгие годы за этой категорией предметов в отечественной литературе закрепилось название «фалары греко-бактрийского стиля»¹⁴, а их греко-бактрийское происхождение не подвергалось сомнению.

Иной взгляд на происхождение сарматских фаларов впервые высказал Н. Феттих¹⁵. Исследуя новые находки на территории Венгрии и Румынии и привлекая для анализа фалары, найденные на территории Украины и Южной России, он впервые сопоставил их с материалами дакийских кладов. К этой группе вещей он отнес не все известные к тому времени фалары степного пояса Евразии, как было принято до этого, но фалары из комплексов Северного и Западного Причерноморья: Янчокрак, Таганрог, Балаклея, Галиче, Серче и Хераштреу. Он сделал также вывод об изготовлении всех этих предметов в Ольвии во второй половине I в. до н.э.¹⁶, т.е. в период царствования Бурбисты¹⁷. Н. Феттих перечислил основные декоративные особенности рассматриваемой группы материала – графические орнаменты в виде рядов точек, полос треугольников, зигзага, бегущей волны и ов¹⁸. В своей работе Н. Феттих исходил из идеи М.И. Ростовцева о том, что фалары являлись сарматским этническим индикатором и предназначались исключительно для украшения конской сбруи. Наличие в дакийском материале фибул, выполненных в том же стиле, он объяс-

⁹ Там же. С. 54.

¹⁰ Там же. С. 53.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 55.

¹³ Там же. С. 51, 60–61.

¹⁴ Критику этой интерпретации см. *Мордвинцева В.И.* Так называемый «греко-бактрийский стиль» в эллинистической торевтике // *Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья.* Волгоград, 1999. С. 102–123.

¹⁵ *Fettich N.* Archäologische Beiträge zur Geschichte der sarmatisch-dakischen Beziehungen // *Acta Archaeologica.* 3. 1953. S. 127–178.

¹⁶ *Ibid.* S. 171.

¹⁷ Ок. 55 г. до н.э. Ольвия была разрушена гетами. Во второй половине I в. до н.э. город переживал глубокий кризис, в это время были разрушены агора и теменос, засыпаны резервуары гидросистемы (*Vinogradov J.G., Kryžickij S.D.* *Olbia. Eine altgriechische Stadt im nordwestlichen Schwarzmeerraum.* Leiden–New York–Köln, 1995. S. 18).

¹⁸ *Fettich.* Op. cit. S. 139–144.

нял вторичным использованием фаларов¹⁹. Ольвия представлялась ему центром, где мастерские изготавливали изделия сарматского облика (фалары) для сарматов, а изделия дакийского облика (гривны, браслеты) – для даков и гетов²⁰.

Специальный раздел в своей книге посвятил фаларам Янош Харматта²¹. В отличие от Н. Феттиха он не разбирает их стилистические особенности, полагаясь в этом полностью на мнение М.И. Ростовцева. В то же время Я. Харматта отметил, что «М. Ростовцев не имел ясной картины той эпохи причерноморской сарматской истории, к которой могут быть отнесены фалары, и, следовательно, он не мог ни определить исторических рамок материала находок, ни локализовать их этнически». По его мнению, в случае с фаларами необходимо было в первую очередь разобраться в этнической обстановке или по крайней мере не ставить ее в зависимость от изображений на фаларах и их стиля²². Широкое распространение фаларов в степном поясе Евразии он считал общеисторическим феноменом. В то же время, по мнению Я. Харматты, решение этнических вопросов возможно через выделение отдельных стилистических групп фаларов. В этом смысле их причерноморская группа выглядит достаточно обособленно, что позволяет отнести ее к какой-то конкретной этнической группе²³.

Дальнейшие выводы исследователя были построены исключительно исходя из его представлений об исторической обстановке в Северном и Северо-Западном Причерноморье во II–I вв. до н.э. Я. Харматта датировал группу причерноморских фаларов периодом между 110 и 61 гг. до н.э.²⁴ и связал ее с западной конфедерацией сарматских племен, главную роль в которой он отводил царским сарматам. Комплекс из Галиче, найденный на территории, которая, по мнению исследователя, не могла принадлежать западным сарматам, был якобы связан с краткосрочной оккупацией сарматами территории трибаллов²⁵. Таким образом, фалары воспринимались Я. Харматтой как неотъемлемая принадлежность, этнический признак культуры западных сарматов, который, будучи обнаруженным в комплексах на других (именно западных) территориях, является свидетельством военного присутствия сарматов. Местом изготовления причерноморских фаларов Я. Харматта в отличие от Н. Феттиха считал Пантикапей, поскольку Ольвия в очерченный им промежуток времени не могла, в соответствии с его историческими разработками, производить подобные вещи²⁶.

Мнение Я. Харматты поддержал Т. Сулимирский, который полагал, что фалары, найденные в Северном Причерноморье, были изготовлены пантикапейскими ювелирами²⁷. Начало их производства в Северном Причерноморье, по его мнению, было связано с прибытием в Крым в конце II в. до н.э. понтийской армии Диофанта и с Митридатскими войнами первой половины I в. до н.э.

¹⁹ Ibid. S. 136.

²⁰ Ibid. S. 171, 177.

²¹ «The Sarmatian Phalerae and their Eastern Relations» (*Harmatta J. Studies in the History and Language of the Sarmatians*. Szeged, 1970 (Acta Universitatis de Attila József Nominatae. Acta antiqua et archaeologica. XIII). P. 34–39).

²² Ibid. P. 36–37.

²³ Ibid. P. 37.

²⁴ Опорными комплексами для обоснования этих крайних дат послужила находка у станицы Северной (нижняя дата) и фалары с надписью Митридата Евпатора из собрания Кабинета медалей Парижской национальной библиотеки (верхняя дата). Даты остальных находок Я. Харматта не приводит и не обсуждает (Ibid. P. 34).

²⁵ Ibid. P. 38.

²⁶ Ibid. P. 99–100. Прим. к с. 37.

²⁷ *Sulimirski T. The Sarmatians*. Southampton, 1970. P. 141.

Выводы венгерских и польских ученых о местном, причерноморском происхождении фаларов почти не отразились на концепции сарматской культуры Северного Причерноморья, разрабатываемой советскими археологами.

Так, К.Ф. Смирнов в своей книге, посвященной завоеванию сарматами Скифии, вслед за М.И. Ростовцевым отводит комплексам с фаларами роль одного из индикаторов сарматского поступательного продвижения с востока на запад. Это движение он иллюстрирует постепенным повышением датировок фаларов: наиболее восточные комплексы он датирует более ранним временем (III в. до н.э.), а западные – более поздним (II–I вв. до н.э.)²⁸.

В то же время взгляды К.Ф. Смирнова на происхождение фаларов Северного Причерноморья нельзя назвать однозначными. С одной стороны, все они фигурируют в его работе как предметы греко-бактрийского стиля. Вслед за К.В. Тревер он подчеркивает, что «в происхождении фаларов Восточной Европы греко-иранский или, точнее, индо-греко-бактрийский импульс очень велик и может быть признан решающим»²⁹. С другой стороны, ссылаясь на Н. Феттиха и Я. Харматту, он считает вероятным их производство в Северном Причерноморье, указывая на сходство фаларов с произведениями торевтики эллинистического Боспора, и справедливо сравнивая орнаменты на них с мегарскими чашами II в. до н.э.³⁰

Выводя сарматов из прохоровской культуры Поволжья–Приуралья, К.Ф. Смирнов был удивлен отсутствием ее признаков в комплексах с фаларами Северного Причерноморья. Так, по поводу одного из кладов с фаларами он отмечает, что он «вовсе не имеет признаков прохоровской культуры»³¹. Это его замечание справедливо и по отношению к другим упоминаемым в книге комплексам³².

Важное место прохоровским (= сарматским) элементам в культуре Северного Причерноморья эллинистического периода отводит М.Б. Шукин³³. Появление в этом регионе серебряных фаларов конской упряжи, «несущих элементы искусства Бактрии и Индо-Сифии», он связывает с очередной волной движения кочевников с востока³⁴. При этом о связи этой группы предметов с культурой Поволжья–Приуралья автор нигде не упоминает, но отмечает, что параллели им имеются «в находках из Западной Сибири и Поволжья».

М.Б. Шукин в отличие от Н. Феттиха и Я. Харматты постоянно подчеркивает стилистическое единство серебряных фаларов на огромной территории – от Индии и Монголии до острова Сарк в Ламанше – и включает в эту группу также более ранние деревянные бляхи из Туэкты и Пазырыка на Алтае. По его словам, «появление и распространение изделий достаточно единого “греко-бактрийского” стиля от Индии до Монголии, степей Причерноморья, Фракии и Ламанша, все это – своеобразные рефлексy в кочевническом мире сложной эпохи от падения Греко-Бактрии до Митридата Евпатора и несколько позже, до вре-

²⁸ Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 80, 110, 113.

²⁹ Там же. С. 112.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 80.

³² Это неудивительно. Если читатель откроет свод по прохоровской культуре, подготовленный М.Г. Мошковой (*Мошкова М.Г. Памятники Прохоровской культуры // САИ. Вып. Д1-10. М., 1963.*), он не найдет там ни одного подобного предмета.

³³ Шукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994. С. 138.

³⁴ Там же. С. 145.

мени Помпея, Цезаря и дакийского царя Бурбесты»³⁵. Это единство исследователь объясняет, со ссылкой на Т. Тайлора³⁶, существованием некоей группы мастеров, кочующих по великой степи и создающих свои творения³⁷. Однако в другом месте книги, в связи с другими событиями, Шукин приводит также и точку зрения Н. Феттиха о производстве фаларов в Северном Причерноморье (в Ольвии)³⁸.

Фаларам как особой категории вещей была посвящена моя диссертация³⁹. Одним из ее результатов было выделение различных типов и стилистических групп фаларов эллинистического и раннеримского времени с территории Южной России и Украины. Картографирование упряжных наборов, стилистических групп и способа захоронения фаларов показало, что в Восточной Европе имеются две основные области их распространения, которые значительно различаются между собой.

Изделия «греко-бактрийской» стилистической группы были найдены к востоку от Волги. Они относятся к одному типу – седельные фалары с тремя петлями на обороте (рис. 1, 1). Седельные фалары первого типа, относящиеся к изделиям причерноморского графического стиля, являются наиболее западными в этой группе упряжных наборов.

Фалары причерноморского графического стиля были найдены в основном к западу от Волги, в степях Северного Причерноморья и Прикубанья. Большинство их относится ко второму типу седельных фаларов – с двумя перекрещивающимися полосами на обороте (рис. 2, 1).

Различия между двумя перечисленными группами материала не ограничиваются типологическими и стилистическими особенностями. Отличается также и обряд их захоронения⁴⁰. Фалары с тремя петлями на обороте (1 тип) клали преимущественно в погребение (рис. 3, А). Полусферические фалары с двумя перекрещивающимися полосами на обороте (2 тип) ни разу не были зафиксированы в погребении, но были найдены в составе кладов (рис. 3, Б). Этот факт заставляет задуматься о культурных различиях тех племен, у которых были приняты эти обрядовые практики.

Фалары не относятся к разряду обычных, массовых находок. Они являлись предметами социального престижа. Поэтому способ их погребения не мог быть случайным. Помещение социально значимых предметов в могиле вместе с покойником имеет непосредственную связь с его социальным статусом. Вотивное же приношение, которое совершалось отдельно от погребения и практиковалось часто при полном отсутствии вещей в могиле, а могло и вообще не быть связанным с погребальным ритуалом, также демонстрировало социальный статус, но не покойника, а человека, приносящего эту жертву.

³⁵ Там же. С. 146.

³⁶ Taylor T. The Gundestrup Cauldron // *Scientific American*. 1992. March. P. 66–71.

³⁷ Мнение об определенном стилистическом единстве этой категории вещей М.Б. Шукин сохранил до сих пор. Он предлагает рассматривать все фалары Евразии как некую общую группу, которую он обозначил термином «стиль Малибу» – по коллекции беспаспортных фаларов, хранящихся в музее П. Гетти, Калифорния, США (Шукин М.Б. О фаларах так называемого греко-бактрийского стиля // *Ювелирное искусство и материальная культура*. СПб., 2001. С. 142).

³⁸ Шукин. На рубеже эр. С. 170.

³⁹ *Мордвицева В.И.* Фалары конской упряжи на территории степной Евразии в III в. до н.э. – I пол. II в. н.э.: Автореф. дис. к.и.н. СПб., 1996; *Mordvinceva (Mordvintseva) V.* Sarmatische Phaleren. Rahden, 2001.

⁴⁰ *Mordvintseva V.* A Typology of the Sarmatian Phalerae III Century BC – II Century AD // *Acta Archaeologica*. 1999. 70. Fig. 8, 1.

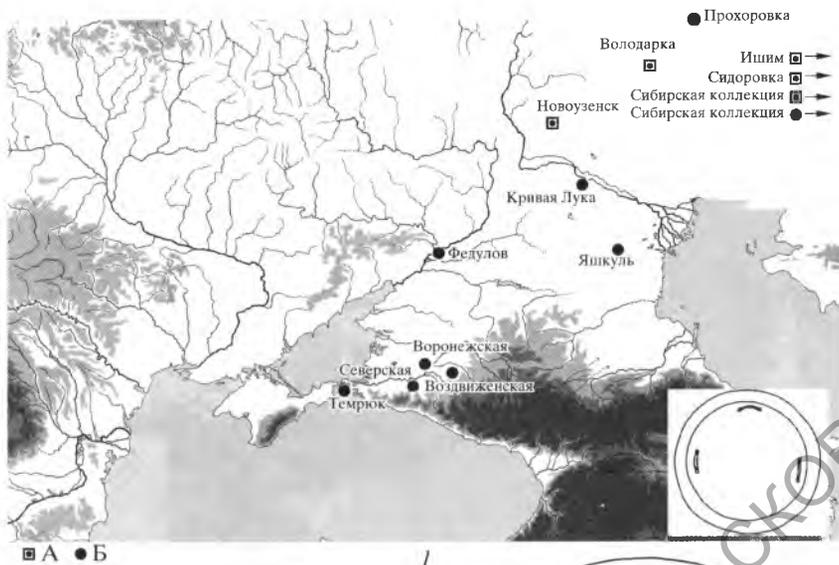

Рис. 1. Фалары седельного снаряжения с 3 петлями на обороте (1 тип упряжных наборов по Мордвицовой 1996). III–I вв. до н.э. 1 – карта распространения. А – фалары греко-бактрийского стиля. Б – фалары других стилистических групп; 2 – фалар из Новоузенска (греко-бактрийский стиль); 3 – фалар из Федуловского клада; 4 – фалары из Кривой Луки

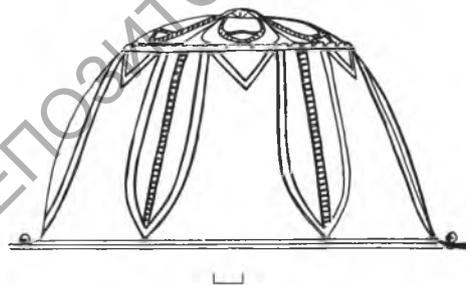

Рис. 2. Фалары седельного снаряжения с перекрещивающимися полосами на обороте (2 тип упряжных наборов по Мордвинцевой 1996). III-I вв. до н.э. 1 – карта распространения; 2 – фалар из Старобельского клада; 3 – фалар из Кореновского клада. 4 – фалар из Янчокракского клада

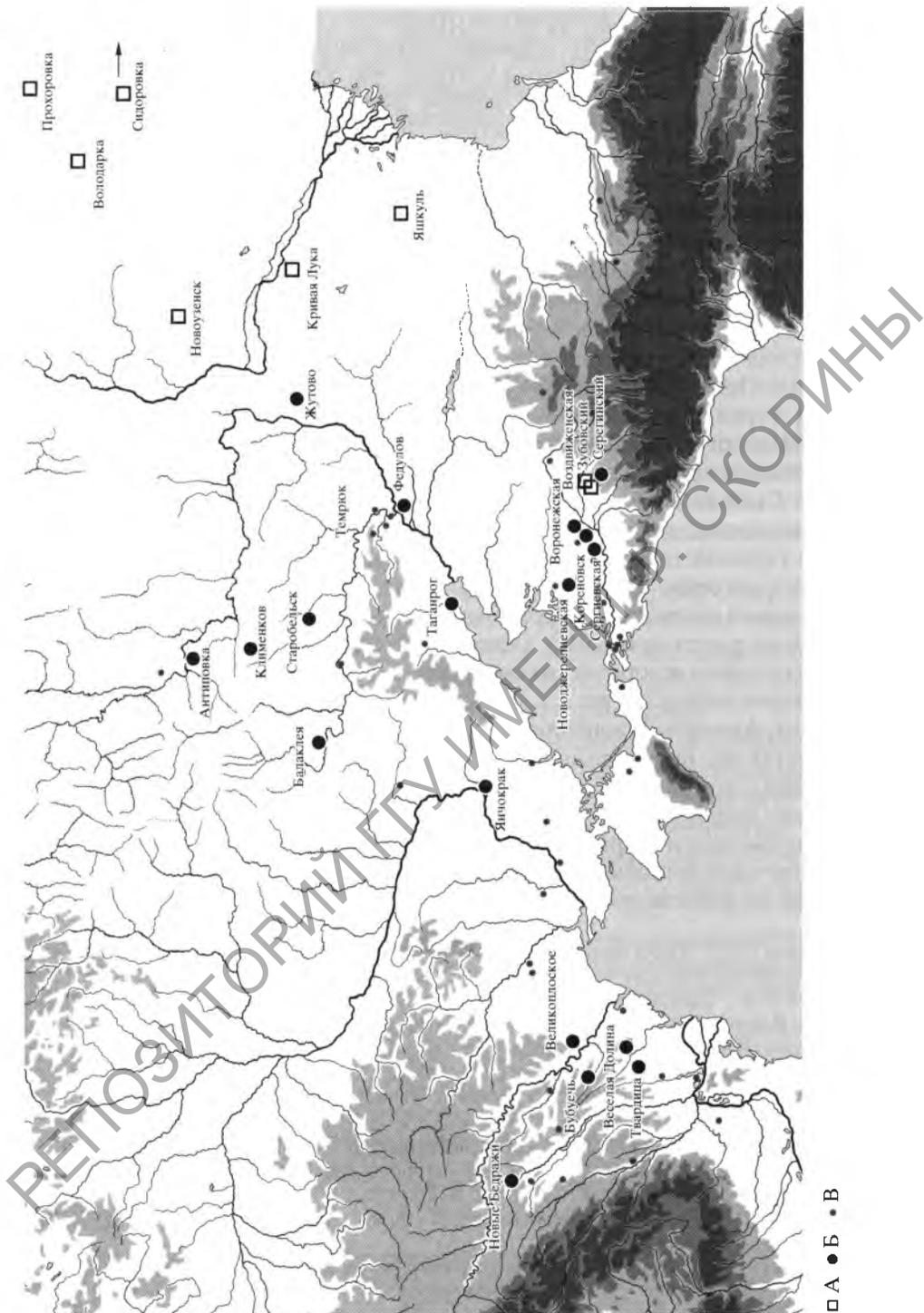

Рис. 3. Способы ритуальных действий с фаларами конской упряжи. А – помещение фаларов в погребения. Б – помещение фаларов в вотивные клады. В – клады без фаларов

Различия в обрядовых действиях по отношению к предметам высокого социального статуса, вероятнее всего, отражают различия в ментальности, а возможно, и в этничности тех древних культур, в которых эти предметы имели обращение. Исследование фаларов показывает наличие двух областей, где отношение к этим предметам было различным, – Северное Причерноморье, с одной стороны, и Поволжско-Уральский регион, с другой. В Прикубанье были смешаны обе традиции.

В этом смысле важно отметить, что votivные клады Северного Причерноморья не ограничиваются находками только фаларов. Гораздо больше кладов представлены предметами конской упряжи⁴¹, шлемами⁴², бронзовыми ситулами, предметами вооружения (стрелы, копья, кинжалы), серебряными сосудами и др. Эти предметы, часто намеренно поврежденные, находят в насыпях курганов, в естественных холмах, в балках и руслах рек.

Такой вид обряда совершенно не характерен ни для прохоровской культуры Поволжья–Приуралья – предполагаемой родины сарматов, ни для более восточных территорий. Зато он был хорошо известен в латенских культурах Средней Европы⁴³ и вполне отвечает культурной ментальности этого региона⁴⁴.

В этой связи встает вопрос о правомерности концепции завоевания причерноморской Скифии «сарматами», пришедшими из степей Поволжья–Приуралья. Чтобы выяснить, каким образом Поволжье и Приуралье оказались общепризнанной родиной сарматов, необходимо обратиться к истокам сарматской археологии и истории.

Сам термин «сарматы», используемый в письменных источниках, оказывается довольно расплывчатым⁴⁵. Основная информация о сарматах, их обычаях, связанных с ними исторических событиях, содержится в трудах греческих и римских авторов конца I в. до н.э. и первых веков нашей эры – Страбона, Мелы, Птолемея, Аммиана Марцеллина.

В текстах же, принадлежащих авторам классической и ранней эллинистической эпохи, упоминания Сарматии или сарматов носят отрывочный характер и дают мало информации⁴⁶. Вероятная, но все же гипотетическая связь этнонимов «савроматы» и «сарматы» не дает оснований переносить описанные Геродотом обычаи и легенды савроматов на племена со схожим названием и местом обитания, но появившиеся на исторической арене позже⁴⁷. В отношении послед-

⁴¹ Зайцев Ю.П. Крестовидные псалии Северного Причерноморья // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар, 2005. С. 88–94.

⁴² Раев Б.А., Симоненко А.В., Трейстер М.Ю. Этруско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 117–135; Зайцев. Крестовидные псалии...; он же. Шлемы Монтефортино и галатский некрополь в Богазкёе: один миф отечественной сарматологии // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Нальчик, 2006. С. 81–82.

⁴³ Kurz G. Keltische Hort- und Gewässerfunde in Mitteleuropa. Deponierung der Latenzzeit. Stuttgart, 1995 (Materialhefte zur Archäologie in Baden-Württemberg. 33). S. 100 ff.; Spanu D. Beiträge zu den iberischen Schatzfunden mit Tracht- und Schmuckstücken aus Edelmetall // Dacia. N. Serie. T. XLIII–XLV. Bucarest, 1999–2001. S. 35.

⁴⁴ Wells P.S. Beyond Celts, Germans and Scythians. Archaeology and Identity in Iron Age Europe. Bath-Avon, 2001. P. 70–73.

⁴⁵ По мнению Д. Браунда, «сарматы» есть не более чем неопределенная античная кличка, применявшаяся для обозначения народов северо-востока (Браунд Д. «Препарируя сарматов»: проблемы источниковедческой и археологической методологии // ВДИ. 1994. № 4. С. 169).

⁴⁶ Столба В.Ф. Демографическая ситуация в Крыму в 5–2 вв. до н.э. (по данным письменных источников) // ПАВ. 1993. 6. С. 56.

⁴⁷ Точно так же, как нельзя проводить прямых параллелей между сарматами и жителями Польши XVII в., когда эту страну иногда называли Сарматией.

них важно отметить, что ни один из текстов IV–II вв. до н.э., в которых упоминаются сарматы, не посвящен им специально. Все фрагменты древних текстов представляют собой либо простое перечисление отдельных племен, не совпадающих у различных авторов, либо описание удивительных явлений природы (зловонное озеро) и животных (таранд).

Однако выводами, основанными именно на этих фрагментах, была в свое время укреплена интерпретационная модель сарматской культуры, которую в дальнейшем мы будем называть *парадигма*, до сих пор являющаяся отправной точкой в работах всех исследователей сарматской культуры.

Краеугольным камнем парадигмы является сообщение Диодора Сицилийского, автора I в. до н.э.: «Это случилось при тех царях, когда многие из завоеванных народов были переселены в другие места, и две из этих колоний стали великими: одна состояла из ассирийцев и была перемещена в земли между Пафлагонией и Понтом, а другая была взята из Мидии и была посажена вдоль Танаиса, ее люди получили имя савроматов. Много лет спустя этот народ, сделавшись сильнее, полностью опустошил большую часть Скифии, уничтожая все на своем пути и превратив большую часть страны в пустыню» (Diod. II. 43. 7).

Именно это свидетельство было принято как основное доказательство массового нашествия савроматов (= сарматов) с востока.

Не подвергая сомнению факт участия савроматов в разгроме Скифии, хочется отметить, что в сообщении Диодора вовсе не говорится о том, что в момент нападения на Скифию⁴⁸, которое происходит в некоем легендарном времени, сами савроматы пришли откуда-то с Востока. Из текста следует, что они напали на Скифию с территории, где они жили – у Танаиса и Меотиды.

Именно эта территория во всех трудах античных авторов выступает как исконная территория савроматов, там же упоминается похожий этноним сирматы⁴⁹. В тех же краях размещена и Сарматия у Гераклида Понтийского⁵⁰. Таким образом, в источниках речь идет всегда об одной и той же территории⁵¹. Не исключено, что мы имеем дело с одним и тем же этнонимом, хотя совсем не обязательно, что с одним и тем же народом. Во всяком случае, в поздних источниках

⁴⁸ Показательно, что ни в одном письменном источнике не описываются какие-либо передвижения народов, что было показано в свое время Д.А. Мачинским (О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. Вып. 13. Л., 1971. С. 39).

⁴⁹ К востоку от Танаиса и к северу от Меотиды, помещает савроматов Геродот (IV. 21, 116). По сообщению Псевдо-Гиппократ, современника Геродота, савроматы живут «вокруг озера Меотиды» (*Ps.-Hipp. De aër.* 25). Псевдо-Скилак (вторая половина IV в. до н.э.) упоминает племена «сирматов» и «савроматов», живущих за скифами. Первые названы последними племенами, живущими в Европе, вторые – первыми племенами, живущими в Азии, за Танаисом (*Ps.-Scyl.* 68, 70). В сообщении Евдокса (середина III в. до н.э.), известном через Стефана Византийского, около Танаиса также упоминаются сирматы (*Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 3. С. 187.*

⁵⁰ (*Antig. Hist. Mirab.* CLII. 97). Это сообщение Гераклида Понтийского (IV в. до н.э.) в передаче Антигона из Кариста (III в. до н.э.) о «зловонном озере в Сарматии» считается самым ранним упоминанием сарматов. Озеро это определяется обычно как Сиваш, бывший когда-то заливом Меотиды – место «традиционной локализации савроматов.

⁵¹ Незначительные отличия в очерчиваемых древними авторами границах территории савроматов и других обычно расценивали как свидетельство о передвижениях этих племен, как будто перед нами не отрывки из произведений авторов, для которых приводимые сведения не представляли специального интереса, а точные информационные сводки с места событий.

античные авторы не делают различий между савроматами и сарматами. О ранних источниках судить трудно ввиду их немногочисленности и фрагментарности.

Откуда же взялась интерпретация сведений Диодора как свидетельства о массовой миграции кочевников, надвинувшихся на степи Восточной Европы с востока? В истории Европы очень хорошо известны две массовые миграции, которые фактически изменили ее культурное лицо. Это Великое переселение народов IV в. н.э. и монгольское нашествие XII–XIV вв. Уже в раннем средневековье идея постоянной угрозы нападения орд кочевников с Востока плотно вошла в сознание европейцев, а затем закрепилась созданием Османской империи, вплоть до конца XIX в. являвшейся серьезной силой в европейской политике. В этом смысле представление о регулярных «волнах», катившихся по степному поясу Евразии, было вполне логичным и закономерным для европейского мышления XIX в.

Следствием изначальной установки на миграционизм стала и соответствующая интерпретация появления в трудах античных писателей новых этнических наименований на карте бывшей Скифии. Не отрицая в принципе возможности миграций с Востока, хочется заметить, что далеко не во всех случаях имеются основания предполагать именно такое ее направление.

Автор I в. до н.э. Полибий сообщает о договоре 179 г. до н.э., в котором среди европейских правителей принимал участие Гатал Сарматский⁵². Текст Полибия не дает определенной локализации владений Гатала. Но некоторые исследователи помещают их на Кубани и связывают с движением сарматских племен с востока на запад⁵³, хотя такой информации в источнике не содержится. И.И. Марченко аргументирует отказ от следующего из текста Полибия размещения сарматов в Европе «отсутствием сарматских памятников этого времени к западу от Танаиса» и предполагает, что Полибий отождествлял Танаис с Кубанью⁵⁴. Под сарматскими памятниками, видимо, имеются в виду памятники прохоровского облика.

Если исходить из этой логики, то перечисление сарматских племен, данных Страбоном для западных границ Сарматии, видимо, также следует либо перенести на более восточные территории (например, в Поволжье или Приуралье), либо просто отказать им в сарматской принадлежности. Так, Страбон упоминает между Днепром и Дунаем племена языгов-сарматов, басилеев (некое «царское» племя) и ургов. Четвертое племя – роксолан – он размещает восточнее, между Днепром и Доном⁵⁵. Их он называет, между прочим, частью бастарнов – племени, которое одни источники относят к германским племенам, другие – к кельтским.

Далеко идущие исторические выводы о раннем продвижении новых иранских племен с востока были также сделаны в результате изменения рукописного чтения текста Диодора Сицилийского по поводу политических событий на Боспоре конца IV в. до н.э. Упомянутый в рукописях царь фракийцев Арифарн⁵⁶ уже в первых переводах этого текста на русский язык превратился в царя фатеев⁵⁷

⁵² Polyb. Hist. XXV. 2. 12–13.

⁵³ Марченко И.И. Сарматский царь Гатал // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1994. С. 52–67.

⁵⁴ Там же. С. 53.

⁵⁵ Strabo. VII. 3. 17.

⁵⁶ Αριφάρνης ὁ τῶν Θρακῶν βασιλεὺς (Diod. XX. 22).

⁵⁷ Латышев В.В. ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 388; Minns E. Scythians and Greeks. Camb., 1916. P. 373.

или сираков⁵⁸, поскольку авторам перевода представлялось нелогичным участие фракийцев в этих событиях на стороне обеих враждующих партий. Иранские же корни имени Арифарн склонили некоторых исследователей к точке зрения о том, что этот царь правил сарматским племенем сираков⁵⁹. Это добавило еще один недостаточно обоснованный аргумент в пользу раннего появления «сарматской угрозы» с востока⁶⁰.

Таким образом, письменные источники не дают прямых сведений о каких-либо перемещениях народов в Северном Причерноморье. Эпиграфические документы эпохи эллинизма также умалчивают о савроматской (= сарматской) угрозе и не дают сведений о миграции народов с отдаленных восточных земель. Нужно отметить, что в эпиграфических документах эллинистического времени этникон «сарматы» в полном виде вообще практически не встречается⁶¹, в то время как другие названия, используемые древними авторами, упоминаются неоднократно – скифы, меоты, фракийцы и др.⁶² Не исключено, что обозначение массива племен сначала Северного Причерноморья, а затем более восточных территорий как сарматов является в какой-то мере изобретением греческой литературной традиции, принятым для обозначения изменений, произошедших на этой территории в сравнении со скифским временем.

Декрет в честь Протогена⁶³, в котором подробно излагается угрожающее положение Ольвии, совсем не упоминает сарматов. Отнесение тех или других этнонимов декрета к сарматам (саи, савдараты)⁶⁴ было продиктовано скорее уже

⁵⁸ Pauly A., Wissowa G., Kroll W. *Realencyclopädie der classischen Alterstums-Wissenschaft*. Bd III. Stuttgart, 1997 (new ed.) S. 759.

⁵⁹ Десятчиков Ю.М. Арифарн – царь сираков // *История и культура античного мира*. М., 1977. С. 46.

⁶⁰ Точно так же можно было бы отказать в царствовании над сарматами царю Гаталу, поскольку имя его не является иранским. Как уже отмечалось в литературе, необходимо отличать лингвистическую принадлежность имени от этнической принадлежности носителя. Андреева С.Э. Еще раз к вопросу об этнической принадлежности сайев // *Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы Международной научной конференции*. СПб., 2007. Ч. 2. С. 231.

⁶¹ Возможное наиболее раннее упоминание сарматов содержится в херсонесском декрете о «несении Диониса», по-новому прочтенном Ю.Г. Виноградовым (*Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I². 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3. С. 104–124*), который, однако, в силу своей фрагментарности, дает мало сведений о месте обитания этого народа (*Храпунов И.Г. Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования*. Вып. VI. Симферополь–Керчь, 2004. С. 85). Другим упоминанием сарматов в эпиграфических источниках может считаться херсонесский декрет, в котором говорится о нападении скифов и «са...» на город Калос Лимен (IOSPE I². 353). По сообщению В. Столбы, который видел этот декрет, восстановление «сарматы» наиболее вероятно.

⁶² Из самых известных надписей эллинистического времени следует назвать ольвийский декрет в честь Протогена (IOSPE I². 32), херсонесский декрет в честь Диофанта (IOSPE I². 352), надпись из Неаполя Скифского (*Виноградов Ю.Г., Зайцев Ю.П. Новый эпиграфический памятник из Неаполя Скифского (предварительная публикация) // Археология. 2003. № 1. С. 46. Рис. 2; Zaytsev Yu.P. The Scythian Neapolis (2nd Century BC to 3rd Century AD). Investigation into the Graeco-Barbarian City on the Northern Black Sea Coast. Oxf., 2004 (BAR International Series. 1219). P. 111–112. Fig. 56–57*).

⁶³ 20–10 гг. III в. до н.э. (*Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса*. М., 1989. С. 182).

⁶⁴ *Harmatta*. Op. cit. P. 11 f.; *Смирнов*. Сарматы... С. 67; *Симоненко А.В., Лобай Б.И.* Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. Киев, 1991. С. 76–79; *Шукин*. На рубеже эр. С. 97; *Полин С.В., Симоненко А.В.* Скифия и сарматы // *Донские древности*. Вып. 5. Азов, 1997. С. 92–93; *Пуздровский А.Е.* Политическая история Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. н.э. // *ВДИ*. 2001. № 3. С. 87.

сформированными представлениями о том, что они должны были в это время там присутствовать⁶⁵. В соответствии с текстом декрета угроза нашествия происходит с запада, а не с востока. Ольвии грозят скиры и галаты, которых вполне обоснованно сопоставляют с кельтами. Саи же были известны древним авторам как фракийское племя⁶⁶.

Во второй половине II в. до н.э. Ольвия находилась под протекторатом скифского царя Скилура, имя которого и имя города стоят на монетах ольвийской чеканки⁶⁷. Найденная недавно надпись, установленная на герооне Аргота, предполагаемого предшественника Скилура, упоминает победы «повелителя Скифии» над фракийцами и меотами⁶⁸. При этом царь Аргот (или в другой версии Скилур) назван – не греческими писателями, а современниками и единоплеменниками – «повелителем Скифии, богатой конскими пастбищами». Дата сооружения неапольского героона – не ранее 130 г. до н.э.⁶⁹

Декрет в честь Диофанта, подробно описывающий события в Северном Причерноморье конца II в. до н.э., из варварских племен упоминает скифов, ревксиалов и тавров. В посвящении Посидея второй половины II в. до н.э., найденном на Неаполе Скифском, упоминаются некие «сатархеи»⁷⁰. Еще в одном херсонесском декрете, одновременном декрету в честь Диофанта, упоминается нападение скифов и, возможно, сарматов на греческий город Калос Лимен. Эти события происходят опять-таки поблизости от обычного места упоминания савроматов (= сарматов) – у Меотиды, а о нападениях далеких «восточных» врагов речь не идет.

Итак, в эпиграфических и письменных источниках отсутствуют прямые указания на продвижение в степи Северного Причерноморья новых племен с востока. Полулегендарные данные о некой Сарматии в районе Меотиды соответствуют обычному размещению племени савроматов, которых античные авторы называли также и сарматами. Сравнение археологических материалов, которое мы начали с фаларов, показывает отсутствие общих черт в материальной культуре Северного Причерноморья и более восточных регионов, таких, как Поволжье и Приуралье, считающихся родиной сарматов. Об отсутствии связи между этими регионами упоминал и К.Ф. Смирнов, который отмечал, что свидетельствам о сарматском господстве (под сарматами в данном случае понимаются прежде всего носители археологической культуры Поволжья и Приуралья) в Северном Причерноморье «как будто противоречат данные археологии»⁷¹, и который считал, что дальнейшие раскопки могут дать больше подтверждений сарматской миграции. Однако данных о сходстве культуры варваров Северного Причерноморья эллинистического времени с культурами сарматского круга, расположенными к востоку от Дона, нет до сих пор. Наоборот, значительное число признаков указывает на связи северопричерноморского региона с более

⁶⁵ Ситуация, когда «мощную западную державу сарматов начала II в. до н.э. вдруг сменяет держава Скилура третьей четверти II в. до н.э.», уже вызывала удивление исследователей (*Harmatta*. Op. cit. P. 19).

⁶⁶ Андреева. Ук. соч. С. 229.

⁶⁷ Фролова Н.А. Монеты скифского царя Скилура // СА. 1964. № 1. С. 44.

⁶⁸ Виноградов, Зайцев. Ук. соч. С. 47.

⁶⁹ Там же. С. 51.

⁷⁰ Zaytsev. Op. cit. P. 114. Fig. 60, 4.

⁷¹ Смирнов. Сарматы... С. 114.

западными регионами Европы⁷². Как видно из вышеизложенного, эти связи вполне соотносятся и с данными эпиграфики.

Почему же во всех работах по истории и археологии сарматов доминирует версия о завоевании Скифии с востока именно в этот промежуток времени, и почему именно сарматами – представителями прохоровской культуры Поволжья–Приуралья?

Археологические памятники сравнительно поздно стали привлекаться в качестве полноценного источника для восстановления исторических событий, которые сейчас привычно связывать с именем сарматов. Первым исследователем, который ясно сформулировал «сарматскую парадигму», до сих пор являющуюся аксиомой сарматской археологии, был М.И. Ростовцев – историк античности, который сравнительно поздно, будучи уже признанным ученым, начал заниматься памятниками Северного Причерноморья⁷³. Первые его работы по южнорусским древностям относятся к началу XX в.⁷⁴ С этого времени эта тема захватывает его, хотя он продолжает писать работы и по римской истории.

М.И. Ростовцев стал одним из первых, кого культура варваров Северного Причерноморья заинтересовала не в меньшей степени, чем греческая культура, и кто выступил за признание равноценного культурного обмена между этими двумя цивилизациями – эллинской и иранской, а не одностороннего влияния первой на вторую, подчеркивая, что «влияние иранского мира на классическую цивилизацию было огромным»⁷⁵. М.И. Ростовцев досконально исследовал письменные источники, относящиеся к этой теме. Стал он и пионером в использовании археологических находок не в качестве иллюстраций к исторической картине, а в качестве полноценного исторического источника. Недостаток исторических сведений он считал возможным в значительной степени компенсировать археологическим материалом⁷⁶.

Большое влияние на формирование источниковедческих принципов М.И. Ростовцева и его современников оказал тот факт, что погребальный обряд элитных курганов Прикубанья почти в точности совпадает с описанным Геродотом ритуалом погребения скифского царя⁷⁷. Предметы импорта из этих царских погребений давали относительно точные даты, что позволило связать их со скифами античных авторов. К началу деятельности М.И. Ростовцева определен-

⁷² Мордвинцева В.И., Переводчикова Е.В. О формировании «причерноморского графического стиля» на фаларах II–I вв. до н.э. // *Античная цивилизация и варварский мир*. Краснодар, 2000. С. 51–64; Зайцев Ю.П. Крестовидные псалии... С. 88–89; он же. Шлемы Монтефортино... С. 81–82.

⁷³ Зуев В.Ю. Творческий путь М.И. Ростовцева // ВДИ. 1991. № 1. С. 167.

⁷⁴ М.И. Ростовцев начал публиковать работы по этой теме с 1903 г. и разрабатывал ее в России вплоть до 1918 г., времени своей эмиграции (Яйленко В.П. Из истории антиковедения в Российской академии наук: записка В.В. Латышева об ученых трудах М.И. Ростовцева // ВДИ. 1991. № 2. С. 219; Bowersock G.W. The South Russia of Rostovtzeff between Leningrad and New Haven // *Rostovtzeff M. Skythien und der Bosphorus*. Bd II. Wiederentdeckte Kapitel und Verwandtes. Stuttgart, 1993 (Historia Einzelschriften. Bd 83). S. 187. Вышедшие позже на Западе его труды основываются в основном на материале, накопленном и обработанном в эти предреволюционные годы.

⁷⁵ *Rostovtzeff. Iranians and Greeks...* P. 9. Увлечение Востоком вообще и Ираном в частности было весьма характерно для мировой научной интеллигенции конца XIX – начала XX в.

⁷⁶ Ibid. P. vii–viii.

⁷⁷ *Rostovtzeff. The Animal Style...* P. 23.

ные взгляды в научной среде на культуру скифов Северного Причерноморья уже сформировались.

Что же касается сарматских памятников, то они к началу XX в. еще не были однозначно выделены. Важно поэтому заметить, что Ростовцев приступил к поиску сарматского археологического материала с уже сложившейся исторической концепцией. Здесь мы сталкиваемся с тем фактом, что многое в «сарматской парадигме» Ростовцева было построено по методу экстраполяции поздних сведений на более ранние периоды истории. Поскольку до появления интереса к северопричерноморской проблематике М.И. Ростовцев занимался вопросами римской истории императорского периода, источники этого времени сформировали у него исторический портрет сарматов, черты которого стали определяющими в выделении им сарматской материальной культуры широкого хронологического диапазона. Основные взгляды Ростовцева на сарматов можно охарактеризовать следующим образом.

Сарматы – восточные соседи скифов⁷⁸, сменившие их в качестве господствующего племени в степях Восточной Европы. Главным основанием концепции о смене скифского населения сарматским стало полуполюгендарное сообщение Диодора Сицилийского о завоевании савроматами Скифии. Это событие М.И. Ростовцев относил к рубежу IV–III вв. до н.э. С этого времени, по его мнению, на смену Скифии приходит Сарматия, а скифы отходят на запад – в Добруджу и на юг – в Крым. Термин «сарматы» и близкий ему по звучанию «савроматы», согласно его взглядам, не родственны. Савроматов Ростовцев считал местным меотским племенем во многом из-за пережитков матриархата в их культуре⁷⁹, а сарматов – продвинувшимся с востока патриархальным иранским племенем. Разделяя в своих работах савроматов и сарматов, он выдвигает тезис о том, что эти этнонимы поздними авторами уже смешивались, в то время как ранние авторы их использовали правильно.

Под собирательным именем сарматов, по его мнению, выступали различные племена иранского происхождения, которые постоянно проникали с востока на территорию степей Южной России. Ростовцев упоминает две основные миграционные волны – раннюю (саки) и позднюю (юечжи). Постоянно подчеркивается им тесная связь сарматов с парфянским Ираном, которая отразилась в особенностях прикладного искусства, принесенного ими в Южную Россию (полихромия, звериный стиль⁸⁰), в религии (огнепоклонничество⁸¹), в патриархальном укладе жизни и военной организации общества⁸². Ярким признаком материальной культуры сарматов, отличающим их от скифов, был особый тип вооружения. Оно состояло из длинного тяжелого копья, длинного меча и кинжала, защитного доспеха (панцирь, кольчуга, шлем – чаще конический). Этот образ сармат-катафрактария, описанный в трудах писателя IV в. н.э. Аммиана Марцеллина, Ростовцев экстраполирует на более ранние периоды.

В соответствии со сложившимся у него образом сарматов Ростовцев искал к востоку от Скифии датированные концом IV – III в. до н.э. материальные памят-

⁷⁸ *Idem*. *Iranians and Greeks...* P. 121.

⁷⁹ «Надо помнить, что савроматов, которые были меотами, не надо путать с сарматами, которые не появлялись на Дону примерно до IV в. и которые были иранским народом, патриархальным, а не матриархальным» (*Ibid.* P. 33).

⁸⁰ *Ibid.* P. 124.

⁸¹ *Ibid.* P. 121.

⁸² Сарматы, как и скифы, представлялись Ростовцеву группой иранских племен, составляющих меньшинство и управляющих местным населением.

ники, которые могли бы этому образу соответствовать. Такими памятниками стали Прохоровские курганы (Оренбургская группа, по Ростовцеву), открытие которых совпало с прибытием Ростовцева к родителям в Оренбург в 1915 г.⁸³ Эти курганы стали краеугольным камнем в его концепции и дали впоследствии название ранней стадии материальной культуры сарматов. находка в кургане 1 воинского доспеха, оружия, полихромных изделий, предметов звериного стиля и ахеменидских фиал⁸⁴, т.е. прямых иранских импортов, дало Ростовцеву основание определить эти памятники как принадлежащие сарматам – новым иранцам, пришедшим с востока. По его мнению, уже в конце IV в. до н.э. все степи к востоку от реки Дон были в их руках⁸⁵. Родственными Оренбургской группе Ростовцев называет курганы у Елизаветовской станицы на Дону⁸⁶. Еще одну родственную группу он помещает в Прикубанье (Ставропольский клад, Буерова могила, могилы Бесленевской и Курджипиской станиц)⁸⁷.

Таким образом, примерно на десяти (!) комплексах сформировалось представление о направлениях связей, демонстрирующих движение сарматских племен с востока на запад: Оренбургская группа (восток, собственно сарматы) – Донская группа (вероятные сирматы/сарматы) – Прикубанье. Материальным, археологическим выражением этого движения новых иранских племен через оренбургские земли на запад в концепции Ростовцева была группа серебряных фаларов греко-индо-иранского стиля, а также группа полихромных брошей Прикубанья, которые он считал произведенными в Сирии⁸⁸. Как уже было показано, фалары причерноморского графического стиля были изготовлены в Северном Причерноморье. Боспорское же производство кубанских брошей обосновывается в работах М.Ю. Трейстера⁸⁹. К 1917 г. концепция Ростовцева оформилась в общих своих чертах окончательно и далее менялась лишь в деталях. Главной его заслугой было создание общеисторической концепции сарматской культуры, впервые были выделены ее основные исторические этапы и дан общий очерк материальной культуры сарматов.

Однако концепция Ростовцева имела и свои слабые стороны. Многие его исторические аргументы базировались на проекции сведений, почерпнутых из поздних письменных источников по сарматам, на более ранние периоды. Детали исторической и археологической частей его концепции часто противоречат друг другу. Отдельные признаки, характерные всего для нескольких предметов, Ростовцев, увлекаясь, часто переносил на целые группы материала, что искажало реальную картину. Но эти слабые стороны его работы были во многом обусловлены отсутствием массового материала для анализа.

⁸³ Зуев В.Ю. М.И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника // Скифский роман. М., 1997. С. 71.

⁸⁴ Фиалы были переделаны в фалары (Мордвинцева В.И. О вторичном использовании ахеменидских блюд из I Прохоровского кургана // РА. 1996. № 2. С. 155–161).

⁸⁵ Rostovtzeff. The Animal Style... P. 21.

⁸⁶ Idem. Iranians and Greeks... P. 125.

⁸⁷ Ibid. P. 125, 128–129.

⁸⁸ Это мнение М.И. Ростовцева базировалось на принятой в то время ошибочной датировке сирийских каменных надгробных рельефов эллинистическим временем. На этих рельефах часто изображены броши круглой и овальной формы, напоминающие прикубанские украшения. Сейчас рельефы Пальмиры относят к первым векам нашей эры, а кубанские аналогии датируются преимущественно III–I вв. до н.э.

⁸⁹ Treister M. Late Hellenistic Bosphoran Polychrome Style and its Relation to the Jewelry of Roman Syria (Kuban Brooches and Related Forms) // SRAA. 2002. Bd 8. P. 43 f.

Сбором массового материала по сарматам и его интерпретацией занялась группа саратовских археологов, которая исследовала Волго-Уральский регион в 20-е годы XX в. Их взгляды и методы работы нельзя рассматривать в отрыве от тех социально-политических изменений, которые произошли в России после Октябрьской революции.

В первое десятилетие советской власти научные исследования еще не были под тем мощным политическим контролем, которому подвергалась наука в СССР в конце 20-х – начале 30-х годов. Тем не менее давление со стороны властей все же существовало. Всеобщее распространение в эти годы получила теория стадильности Н.Я. Марра, имевшая корни в стадильной концепции общества, разработанной Л.И. Морганом и пересказанной Ф. Энгельсом и поэтому получившей статус официальной доктрины. Конкретные этнические разработки были под запретом.

В это время разрабатывается периодизация «сарматской стадии» – культуры сарматов, родина которых была помещена М.И. Ростовцевым в Поволжье и Приуралье по материалам из Прохоровских курганов Оренбуржья. Авторитет Ростовцева, несмотря на его эмиграцию, был чрезвычайно высок в научной среде, и развитие науки о сарматах пошло по заданному им направлению. Точка отсчета была принята безоговорочно. Первые целенаправленные раскопки «сарматских» памятников были проведены П.Д. Рыковым⁹⁰, однако созданная им, не вполне удачная, классификация поволжских погребений не прижилась. Культуру Суловского могильника он определил как сарматскую, ссылаясь на кубанские аналогии⁹¹.

Создателем периодизации, которая до сих пор почти в неизменном виде существует в археологической литературе по сарматам, был П.Д. Рау. Поволжский немец, П.Д. Рау был настоящим энтузиастом своего дела. Он стремился показать развитие своего родного региона на фоне окружающих его древностей Южной России и Сибири. В этом смысле Волго-Уральские степи были для него центром, отправной точкой исследования. Основной своей задачей П.Д. Рау считал построение хронологической шкалы погребений местной культуры Поволжья и Приуралья. Этот аспект является ведущим во всех его исследованиях. Только после распределения погребального материала по хронологическим периодам⁹², с точки зрения П.Д. Рау, возможно приступить к его интерпретации, поиску связей с другими регионами и пр. Хронологическому разбору материала сопутствовала его публикация, допускающая проверку исследования и тем самым повышающая доверие к работе.

П.Д. Рау в своей работе «Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga» подверг критике классификацию могил, осуществленную П.С. Рыковым, и выделил две хронологические ступени погребений римского (императорского) времени – Stufe A (конец I в. до н.э. – II в. н.э.) и Stufe B (конец II–IV в. н.э.). Основным различием двух групп погребений, по его мнению, являются различия в ориентации костяков и в формах могильных ям⁹³. Он разбирает и погребаль-

⁹⁰ Рыков П.С. Суловский курганный могильник. Саратов, 1925.

⁹¹ Там же. С. 24.

⁹² «...müssen offenbar in erster Reihe sichere zeitliche Grenzen gezogen werden» (Rau P. Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga (Ergebnisse der Gräberforschung in der Wolgadeutschen Republik). Pokrowsk, 1926. (Mitteilungen des Zentralmuseus der ASRR der Wolgadeutschen. Jahrgang 1. H. 1–2). S. 64.

⁹³ Ibid. S. 68.

ный инвентарь, в котором также прослеживается своеобразие каждой ступени. Для иллюстрации своих выводов П.Д. Рау прибегнул к очень современному методу подачи материала – составлению таблицы корреляции, в которой он показал различия между рассматриваемыми группами⁹⁴.

В этом труде и в работе, вышедшей в следующем году, П.Д. Рау избегает соотнесения разбираемого им археологического материала с конкретными этническими группами. Термин «скифо-сарматский» и «сарматский» употребляется им скорее в хронологическом контексте⁹⁵. Он затрудняется также атрибутировать исследованные им погребения какому-то определенному народу⁹⁶. Возможно, это следует отнести за счет того, что этнические штудии и тем более теория миграционизма были в это время под запретом. П.Д. Рау указал на признаки сходства археологических культур Поволжья, Приуралья, Прикубанья и земель к западу от Дона, но нигде в этих его трудах нет указания на формирование черт погребального обряда в одной из перечисленных групп. Напротив, по его словам, такие известные имена, как сарматы, аорсы, аланы, могут быть поняты скорее как названия географического, хронологического или политического свойства⁹⁷.

Ко времени публикации последней своей книги⁹⁸ взгляды П.Д. Рау сильно продвинулись вперед в плане интерпретации изучаемого материала. Посвятив это исследование построению типологии скифских наконечников стрел, он преследовал ряд целей: 1) получить массовый источник для хронологической классификации погребений Поволжья и Приуралья, небогатых предметами античного импорта; 2) выделить специфические особенности погребений скифского времени этого региона в сопоставлении со скифскими и сибирскими древностями; 3) показать преемственность между волго-уральским населением «скифского» и «сарматского» времени; 4) сопоставить полученные выводы с историческими данными о племенах, оставивших рассматриваемую культуру.

П.Д. Рау выделяет на имеющемся у него материале две основные хронологические и культурные группы – безымянные, этнически нейтральные «Ostwestgräber» и сарматские «Meridionalgräber» – и развернуто характеризует эти группы погребений, указывая на их отличия в погребальном обряде и инвентаре⁹⁹.

Главным отличительным признаком он считает различие в ориентировке и формах могильных ям. В то же время он отмечает, что «между обеими группа-

⁹⁴ Ibid. S. 60–63.

⁹⁵ Rau P. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. Pokrowsk, 1927 (Mitteilungen des Zentralmuseus der ASRR der Wolgadeutschen. Jahrgang 2. H. 1). S. 5, 11–12. В описании погребений гораздо чаще встречаются определения «früheisenzeitliche», «späthellenistische», «frühkeiserzeitliche», «spätkeiserzeitliche» Perioden.

⁹⁶ «Lassen die erwähnten Unterschiede in Grabbau und Begräbnisritual dennoch nicht auf ein einheitliches Volk (oder Stamm), sondern eher auf eine locker verbundene Gruppe verwandter Stämme mit ungleichen Gsittungsformen schließen (soziale Gruppierungen können nach dem vorliegenden Fundstoss einstweilen nicht mit Sicherheit festgestellt werden)» (Rau. Die Hügelgräber römischer Zeit... S. 78).

⁹⁷ «Es sei hiermit nur angedeutet, daß angesichts der kaiserzeitlichen Grabfunde des Wolgagebiets geläufige Namen wie etwa Sarmaten, Aorsen, Alanen einen Teil ihrer ethnischen Färbung einbüßen und mehr als Bezeichnungen von geographischem, zeitlichem oder politischem Einschlag aufgefaßt werden können» (Ibid. S. 79).

⁹⁸ Rau P. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Studien zur Chronologie der skythischen Pfeilspitze. Pokrowsk, 1929 (Mitteilungen des Zentralmuseus der ASRR der Wolgadeutschen. Jahrgang 4. H. 1).

⁹⁹ Ibid. S. 54–55.

ми памятников существует некое внутреннее родство, которое в первую очередь обнаруживается в пережитках погребального обряда». Отличие группы «Ostwestgräber» от скифских памятников Южной России П.Д. Рау показывает на примере наборов наконечников стрел, мечей, керамики, но особенно акцентирует внимание на каменных блюдах, которые только в рассматриваемом им регионе имеют ножки, в большинстве случаев зооморфные¹⁰⁰. Исследователь выделяет Самаро-Уральскую зону Нижневолжско-Уральского региона как отдельную провинцию, которая составляет особую часть евразийского скифо-сибирского культурного круга¹⁰¹.

Звериный стиль Волго-Уральского региона он выделяет в особую группу, отмечая его отличие как от скифских памятников Поднепровья, так и от сибирской группы изображений. Самостоятельность звериного стиля памятников Поволжья и Приуралья П.Д. Рау видит прежде всего в применении особой стилизации – смешении зооморфного и геометрического стилей, причем прототипы геометрическим элементам он находит в памятниках эпохи бронзы¹⁰². Он критикует мнение Б.Н. Гракова о том, «что “сибирские” группы этих мотивов проникли сюда извне, и скифский звериный стиль был передан этой земле», и считает, что скорее, наоборот, скифский звериный стиль был сформирован здесь на местной почве и продвинулся отсюда далее в Сибирь¹⁰³. Таким образом, звериный стиль оказывается у П.Д. Рау тесно связан с местным населением Поволжья–Приуралья, но при этом не выступает еще как этнический признак, перемещающийся вместе с его носителями.

В вопросе об исторических носителях культуры «Ostwestgräber» П.Д. Рау занимает позицию, отличную от позиции М.И. Ростовцева и Б.Н. Гракова. Традицию огненного ритуала, которую М.И. Ростовцев приписывал сарматам, подчеркивая их особую связь с иранским миром, П.Д. Рау считает присущей всему степному миру не менее, чем погребениям в Оренбургской области. В ответе на вопрос: кем могли бы быть носители культуры «Ostwestgräber» Поволжья–Приуралья, он исходит прежде всего из географического положения культуры. Западный ареал ее распространения он связал с восточными соседями скифов – савроматами, в то время как вопрос об этнической принадлежности населения Самаро-Уральского района оставил открытым¹⁰⁴. Главное же отличие его позиции от точки зрения М.И. Ростовцева состояло в том, что сарматы представлялись исследователю не пришедшей с востока группой воинов, занявшей высшую ступеньку на социальной лестнице, а племенем, имевшим местные корни. Таким образом, родиной сарматов оказывались не далекие восточные земли, граничащие с Греко-Бактрией, но Нижнее Поволжье и Приуралье.

В 1929 г. жизнь П.Д. Рау трагически оборвалась. В короткий промежуток времени между 1929 и 1933 гг. произошло что-то вроде революции в сфере культуры, науки и музейного дела. Была введена цензура на научные труды, произошла «чистка» научных кадров, в результате чего состав работников этой сферы изменился почти на 100 процентов¹⁰⁵. Немарксистская наука оказалась под запретом.

¹⁰⁰ Ibid. S. 55–56.

¹⁰¹ Ibid. S. 59.

¹⁰² Ibid. S. 46–52, 56.

¹⁰³ Ibid. S. 49.

¹⁰⁴ Ibid. S. 60.

¹⁰⁵ Tallgren A.M. Archaeological Studies in Soviet Russia // ESA. 1936. X. P. 149; Тункина И.В. М.И. Ростовцев и Российская Академия наук // Скифский роман. М., 1997. С. 109.

Научные работники специальными постановлениями партии были ориентированы на исключение из своих исследований источниковедческого анализа, на представление исторических выводов в чистом виде. ЦК партии формировал и основные направления научных поисков. Так, в 1937 г. перед археологами была поставлена задача изучать вопросы этногонии. Давались и прямые указания, как осуществлять это изучение: «Необходимо составить... карты расселения племен на территории нашей родины в различные эпохи их существования, необходимо проследить, как... возникали из отдельных племен крупные племенные союзы, как эти союзы укрупнялись и на грани классовой истории, в борьбе друг с другом и с внешним врагом, превращались в народы, уже хорошо известные письменной истории»¹⁰⁶. Импульс, заданный этим призывом, был настолько силен, что его влияние ощущается и по сей день. Довольно долгое время, фактически до разоблачения культа Сталина, было опасно упоминать работы опальных ученых. Многие исследования были незаслуженно забыты. Тем не менее периодизация П.Д. Рау прочно вошла в советскую археологическую литературу.

Кроме саратовских археологов тему поволжских памятников скифского времени разрабатывал в 1920–1930-е годы известный археолог-классик и скифолог Б.Н. Граков. С его именем хронологическая схема сарматской культуры связана прежде всего благодаря статье, посвященной остаткам матриархата у сарматов, в которой исследователь резюмировал работы Рау и свои собственные наблюдения¹⁰⁷. Целью этой статьи было опровержение выдвинутого М.И. Ростовцевым тезиса о противопоставлении савроматов и сарматов как племен соответственно матриархальных и патриархальных.

Основные положения П.Д. Рау развил и дополнил К.Ф. Смирнов, посвятивший всю свою научную жизнь изучению сарматской культуры и являвшийся одной из самых крупных фигур в ее изучении. Под его руководством были проведены широкомасштабные археологические раскопки в Приуралье и Поволжье. К 60-м годам XX в. количество исследованных археологами памятников сарматской культуры исчислялось уже сотнями. В 1964 г. выходит в свет работа К.Ф. Смирнова «Савроматы», защищенная затем в качестве докторской диссертации¹⁰⁸. Эта работа является вершиной его творчества. Не только идеи, высказанные в этой книге, оказали большое влияние на современников, но и сама структура работы стала примером для подражания и повторялась затем неоднократно в работах его учеников.

В работах К.Ф. Смирнова Поволжье и Приуралье рассматриваются как центр формирования единой савромато-сарматской культуры. Она предстает как некий эталон культуры сарматов, с которым сравниваются культуры варваров с других территорий. Исследователем постоянно подчеркивается связь сарматской культуры с культурами эпохи поздней бронзы, тем самым обосновывается автохтонное происхождение сарматского населения Поволжья–Приуралья.

По К.Ф. Смирнову, из Поволжья–Приуралья сарматы продвигались как в западном направлении – в Северное Причерноморье, так и в восточном – в Среднюю Азию. Отсутствие в Северном Причерноморье памятников поволжского облика ученый объяснял невысокой степенью исследованности этой территории в архео-

¹⁰⁶ Наши задачи в области археологических исследований, в связи с решениями ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР об учебниках по истории. // СА. 1937. № 2. С. 5.

¹⁰⁷ Граков Б.Н. ΓΥΝΕΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. 1947. № 3. С. 100–121.

¹⁰⁸ Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.

логическом отношении. Наиболее выразительные в плане материальной культуры вотивные клады, которые интерпретировались в основном как разрушенные погребения, были датированы таким образом, что наиболее восточные из них оказывались априорно более ранними, а самые западные – более поздними.

Важной составляющей «сарматской парадигмы» К.Ф. Смирнова было также районирование известных по письменным источникам племен на археологической карте: аорсы, верхние аорсы, сираки, которые стали теперь рассматриваться как союзы племен. Это районирование прочно вошло в литературу, так что в хронологической периодизации сарматской культуры усилился этнический акцент.

Показателен последовавший затем в работах сарматологов постепенный отказ от названий культур сарматской эпохи по эпонимному памятнику, с которого началось их выделение (блюменфельдская, прохоровская, сусловская, шиповская). Это знаменовало уход от археологической концепции выделения культур с их твердой локализацией и определенным набором признаков к их исторической интерпретации. Периодизация Рау–Гракова, первоначально выделенная для отдельного региона, под именем савроматского, раннесарматского, среднесарматского, позднесарматского этапов сарматской культуры приняла фактически всеобщий характер. В проблематике материальной культуры раннего периода сарматской эпохи основное место заняла детальная разработка раннесарматской (прохоровской) культуры Поволжья–Приуралья¹⁰⁹, поскольку именно ей отводилось место генератора общесарматской культуры.

Хронологические периоды сарматской культуры стали в дальнейшем часто замещаться периодами доминирования некоторых групп кочевников – савроматов, аорсов, аланов. Датировка появления в письменных источниках какого-то определенного племени стала влиять на датировку комплексов, интуитивно связываемых с этими событиями. Все вместе это привело к кризису, который испытывает сейчас сарматская археология¹¹⁰. Причина этого кризиса видится в том, что первоначально основой выделения сарматской культуры (культур) были не сами археологические источники, а субъективная интерпретация отрывочных исторических данных. При этом признаки сарматских культур, несмотря на многочисленные публикации и обобщающие работы, до сих пор четко не определены. Картографирование различных категорий инвентаря, которое могло бы помочь определить географические и хронологические границы культур и которое является первичным археологическим методом обработки материала, не прово-

¹⁰⁹ *Мошкова*. Памятники прохоровской культуры...; *Шилов В.П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975; *Мошкова М.Г., Смирнов К.Ф.* Рец.: *Шилов В.П.* Очерки... // СА. 1977. № 2. С. 265–274; *Смирнов К.Ф.* Савроматская и раннесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 165–167.

¹¹⁰ Этот кризис был отмечен практически всеми участниками Международной конференции, проходившей в Анапе в 2004 г. Недавно по инициативе ученых Волгоградского государственного университета совместно со скифо-сарматским сектором ИА РАН был основан семинар по сарматской археологии, на котором были заслушаны первые доклады по проблемам датировки сарматских культур (А.С. Скрипкин и И.В. Сергацков). В наибольшей степени проблемой остается ситуация с периодом позднего эллинизма и августовского времени. Остается неясным: является ли савромато-сарматская культура в рамках VI в. до н.э. – III в. н.э. отражением некоей культурно-исторической реальности или это система относительной хронологии; к какому региону относится это понятие; какие признаки определяют отдельные стадии и локальные варианты сарматской культуры; в чем состоит суть смены этапов – этнические изменения или культурно-хронологические.

дилось, несмотря на предпринятое грандиозное статистическое исследование по сарматским культурам¹¹¹. Поэтому первое же размещение на карте различных типов конской узды (фаларов) и различных обрядов их захоронения, привело к очерчиванию, как минимум, двух территорий, население которых демонстрировало высокий социальный статус через разные обрядовые практики, что, вполне вероятно, предполагает их этнокультурные различия¹¹².

Подводя итог всему вышесказанному, хочется еще раз подчеркнуть, что, по всей видимости, нет оснований считать Поволжье и Приуралье эталонным центром сарматской культуры и родиной сарматов письменной традиции, которая размещает их племена преимущественно в Северном Причерноморье, около Танаиса и Меотиды. Продвижение же некоего населения из поволжско-уральских степей в Северное Причерноморье во II в. до н.э. является ни чем иным, как умозрительной концепцией, которая не подкрепляется данными археологии.

PHALERAE FROM VOTIVE HOARDS OF THE NORTH PONTIC AREA OF THE 3rd–1st CENTURIES BC AND THE SARMATIAN PARADIGM

V. I. Mordvintseva

Silver phalerae with representations of gods, various scenes and vegetable motifs became especially wide-spread in the North Pontic area in the last centuries BC. In Rostowtzeff's opinion, they were brought to the steppes of the North Pontic area by the Sarmatians, tribes of Iranian origin who had come from the borders of Bactria.

Further research showed that the phalerae examined by Rostowtzeff were of North Pontic origin. According to their types and styles, the phalerae were sorted into two groups, each belonging to one of two areas: the «western» (North Pontic) and the «eastern» (steppes of the Volga and the Ural). In Kuban region both types can be found.

These two areas differ as well in the character of the ritual use of phalerae. In the «eastern» region they are found in votive hoards, while in the «western» area they were used in burials. The difference in the ritual use of objects denoting high social status reflect differences in mentality and, probably, in the ethnic reality of the two cultures.

It is assumed, though, that in the 3rd–2nd centuries BC Pontic Scythia was conquered by Sarmatian tribes, bearers of early Sarmatian («Prokhorovka») archaeological culture of the Volga-and-Ural districts. This paradigm of Sarmatian culture was for the first time described by Rostowtzeff and developed in later studies.

However, votive hoards were not known in the area in question. They are rather characteristic of Central Europe and its cultural phenomenon. Written sources of this period are very fragmentary and cannot confirm the threat of military intrusion from the East. On the other hand, a similar threat from the West is attested in the epigraphic sources. All this comes into conflict with the existing Sarmatian paradigm.

The author suggests that there are no grounds for considering the Volga and the Ural areas a model centre of the Sarmatian culture and the homeland of the «Sarmatians» of the written tradition. This scheme was drawn from just a few tombs in the early 20th century. The view that certain tribes moved from the Volga and the Ural steppes to the North Pontic Area is nothing but a speculation made on the basis of a biased interpretation of written sources.

¹¹¹ Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I. Савроматская эпоха / Под ред. М.Г. Мошковой. М., 1994; Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. Раннесарматская культура / Под ред. М.Г. Мошковой. М., 1997; Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III. Среднесарматская культура / Под ред. М.Г. Мошковой. М., 2004.

¹¹² Понятие «этнического» в археологической культуре настолько сложно, что в современных работах его стараются не употреблять, заменяя другими терминами, как, например: «cultural identity» и т.п. См., например: Cultural Identity and Archaeology / Ed. P. Graves-Brown, S. Jones, C. Gamble L.–N.Y., 1996.